

УДК 930.2

ЛИЦЕВОЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД В ДИПЛОМАТИИ ИВАНА ГРОЗНОГО

© 2017 г.

К.Ю. Ерусалимский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

kerusalimski@mail.ru

Поступила в редакцию 01.11.2017

В посольской книге по сношениям России с Папским престолом из Российского государственного архива древних актов за сентябрь 1581 г. в речи Ивана IV к Антонио Поссевино обнаружена цитатная параллель с текстом Лицевого летописного свода. Это позволило предположить, что Лицевой свод был востребован в посольской практике в 1581 г. Отклонены предположения о зависимости Лицевого свода от сочинений князя Андрея Курбского. Гипотеза о переработке Свода в 1584–1585 гг. позволяет очертить круг самых ранних фактов текстовой рецепции Свода и связать его возникновение с посольской и церемониальной практикой Российского государства.

Ключевые слова: Лицевой летописный свод, Иван Грозный, дипломатическая переписка Москвы с Ватиканом.

Дипломатия и чтение

В первую посольскую книгу сношений с Папским двором внесена запись о том, как в сентябре 1581 г. римский легат Антонио Поссевино получил от Ивана IV его подробный ответ на обширное послание польского короля Стефана Батория, составленное в начале августа 1581 г. в военном лагере на пути к Пскову при активном участии канцлера Яна Замойского и переданное адресату гонцом Матвеем Проворским. Послание короля «в тетратех с укоризною» было скопировано в «литовских книгах» Посольского приказа [1, л. 251, публ.: 2, стб. 205–206]. Вместе с письмом царь получил сочинения Герберштейна, Гваньини и Кранция [3, л. 333 об.]. Они не вошли в посольские книги и даже не были упомянуты при вручении римскому легату ответного письма царя, но, возможно, хранились в приказной библиотеке, где и в XVII в. было немало литовских книг.

Посольская книга, в которую занесено это упоминание, была составлена по свежим следам переговоров. Она представляет собой кодекс в 4^о (около 192-136-90 мм) в кожаном переплете по картону (обернут в современную архивную папку из бежевой жесткой бумаги, на которой со стороны верхней крышки архивные шифры рукописи). Переплет в плохой сохранности, порван, поеден жучком. Корешок, первоначально в две клеточки и две малых клеточки (3 витых перетяжки, сверху и снизу по одной малой), разрушен, его фрагменты хранятся в папке. На одном из фрагментов, от верхней клеточки в бумажной бирке запись начала XVIII в.: «№ 1 / 7088/1580 авг: 4 – 14. март: 7090/1582» (часть слова «март» затерта, дальше сохранились лишь

фрагменты записи, восстановлено по записи той же рукой на л. III₁ рукописи). Той же рукой запись с кратким содержанием рукописи рукой начала XVIII в. – на л. III₁–III₁ об. Тиснение на верхней крышке – «шкатулка» с цветочным орнаментом по центру, на нижней – восьмиконечный крест. По краям верхней и нижней крышек по два отверстия, в которых первоначально было 4 желтых шнура, от них сохранился на верхней крышке только верхний шнурок, на нижней – «корешки» обоих шнурков. Фолиация чернильная кириллическая (на 482 л.) и архивская карандашная. Принимаем карандашную, на III₁+474 л. На каждом листе штемпель Московского Главного архива МИД. На л. I₁ синим карандашом: «1/4 пр.». Плохо сохранился блок – многие листы отделены от переплета. Часть листов повреждены от влаги и частого механического использования, края начальных листов, включая фрагменты с частями текста, подклеены в XVIII–XIX вв., часть текста вплоть до л. 147 реконструирована на подклейках поздними почерками. Филиграния: 1) На л. I₁–III₁ – Герб Амстердама с литерами EP. Ср. сходную разновидность изображения [далее в описании рукописи все отождествления приведены по альбомам филиграней, см.: 4, 5, 6]: Дианова. № 35. – 1692 г.; Герб Амстердама, без постамента, щит и нижние дуги короны сходны с: Дианова. № 294. – 1698 г. 2) Кувшин (с одной ручкой) – на л. 1–79 (последний водяной знак – на л. 76). Знак между двух понтюзо, подставка одним овалом ровно по центру. На крышке пятилучевая корона с двойным трехлепестковым цветком от среднего луча (большим сверху и малым снизу) и малым трехлепестковым цветком на ручке (л. 7, 15, 18, 25, 35, 37, 48, 51, 55, 56, 57,

58, 59, 71, 76). В нижней части знака обнаружены 8 вариаций – возможно, не все из них содержат расхождения в изображении, но необходимо допускать существование различий между знаками в форме тулова кувшина или в нечитаемых литерах на полосе тулова. На л. 19, 22, 28, 32, 53 (?), 60, 61 (?), 62, 78 в тулове виден пояс с закруглением или литерой О по центру. На л. 33, 34 и 73 в поясе литеры сходно с П. Верх знака – может относиться в равной мере к концу XVI и первой половине XVII в. Ср. отдаленный аналог (с литерами CN): Piccard. № 31531. – 1544 г. 3) Буква Н в картуше или в щите под короной с цветком и неясной надписью под картушем (щитом) – на л. 80–189, 469–470. Возможно, речь идет о знаке, отдаленно сходном с Briquet. № 8239 – 1584, 1587 г. 4) Собака с цветком на спине, под лапами девиз с литерами JOINVELLE (т.е. Joinville) – на л. 192–405 и 465–466. Ср.: Piccard. № 86662. – 1579 г. 5) Нет знака на бумаге л. 406–464. По черки – московская деловая скоропись XVI в.

Посольская книга отразила и воплотила усилия по преодолению военного кризиса, в котором обозначились поражение Российского царства и угроза крушения исторических легенд, принятых за основу московской дипломатии. В доказательство своей правоты в развязавшейся войне Стефан Баторий, как можно понять из названий присланных царю книг, выбрал «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, «Описание Европейской Сарматии» Александра Гваньини и, возможно, «Вандалию» Альберта Кранция (Кранца) [7, с. 219–220. Прим. 3; 8, S. 322; 9, с. 185–202]. Сочинения А. Кранция и С. Герберштейна были в распоряжении М. Стрыйковского и А. Гваньини, когда готовилась их хроника, ставшая в том же 1581 г. предметом специального королевского расследования о плагиате. Возможно, и идея отправить царю «Описание», и присоединение к этой книге трактатов Кранция и Герберштейна принадлежали А. Гваньини или М. Стрыйковскому (о влиянии дипломатической конъюнктуры и текстов посольского происхождения на хронику Стрыйковского – Гваньини см.: [10, с. 625–633]). Судя по ответу Ивана IV на письмо короля Стефана, царю были присланы три трактата под одним переплетом: «А что прислал к нам книгу свою, и мы коли вычтем, тогда тому и ответ учиним» [1, л. 284 об.; 11, S. 177]. Широкая историческая ретроспектива и антимосковский тираноборческий пафос присланных текстов требовали от царя усилия по подготовке контраргументации, основанной на московской версии событий древности и недавнего прошлого.

Ответ царя отдан римскому легату не ранее 14 сентября 1581 г., уже после церемонии «от-

пуска» (12 сентября) (ср. в польской версии послания в Курницкой рукописи, здесь текст грамоты без протокола и эсхатокола, начинается словами «Co pisał do hospodara cara u wiel. kniazia Iwana Wassilowicza...») и заканчивается «...u dyiakow swoich Andrzeia Sczelkalowa, Offanassa Domianowa u Iwana Strzezniewa», см.: [11, S. 155–178]). В своем послании царь, как и его противник, не скупится и на словесную брань. Однако в тоне письма заметен пессимизм и готовность отказаться от заветных притязаний московской дипломатии, в том числе – от царского титула и восходящей к «Сказанию о князьях владимирских» и хронографическим текстам уверенности в своем праве на «всю вселенную», на которое царь ссылался еще в своем послании от 9 июля 1577 г., направленном из Пскова старосте вольмарскому и зегевольдскому кн. А.И. Полубенскому [12, с. 200]. На сей раз Псков осажден вражеским войском, и, отвечая Баторию и Григорию XIII, Иван IV пишет: «И не мьне коли уж переменятись и на большое господарство хотети. Мы в будущем восприятия малого хотим, а здешнего господарства всее вселенные не хотим» [1, л. 369 об., публ.: 2, стб. 301]. См. также отказ от царского титула в наказе посольству кн. Д. Елецкого конца 1581 г.: [3, л. 431 об. – 432]. На смену идее всемирной империи приходит представление о самодержавии русских великих князей в своей отдельной, исконно принадлежавшей им стране. И за этим риторическим маневром кроется еще один укол в адрес Стефана Батория. Русским господарям, не в пример королю, престол передан 600-летней историей от Рюрика Новгородского и Владимира, правителя «всей Русской земли», они и их государство известны всей вселенной, никто не позволял себе высокомерно с ними обращаться. В этом контексте звучат напоминания:

«Да и tw б Стефан корол попаметовал, каков был Ягаило, и Олгердь, и Витофть, и Касимер? И каковы они были высоки над нашими прародители? И он бы нам о том вѣдомо учинил и грамоты показал. И каковы их станы были? А в лѣте шесть тысящъ шестьсот в шестьдесятм княз великїи Исяслав Мстиславич Смоленскїи ходил на великог(о) кнѣза Володимерка Галичского. А с ним сят его корол угорскои. А свал корол угорскои великог(о) кнѣза Исяслава wtцом. И побили twгды Володимерка на рекѣ на Сану. И то тогда каков стан был великих кнѣзей киевскихъ нших прародителии и полских королеи, и каковы полские короли с угорским королем, то вам вѣдомо» [1, л. 253 об.–254 об. Ср.: 2, стб. 208. В публикации ошибочное прочтение «шесть тысящъ шестьсотъ *десятомъ*» и «каковъ станъ былъ съ В. Князей Киевскихъ»].

При составлении этого исторического ехем-
plum был использован текст, близкий к статье
6660 г. Ипатьевской летописи, Воскресенской
летописи (далее – ВЛ) и Лицевого летописного
свода (далее – ЛЛС), о чем говорит фраза «А
звал король угорский великого князя Изяслава
отцом», относящаяся к обращению венгерского
короля к Изяславу: «*Ѡче! Кланяю ти са*», кото-
рой нет в тексте Никоновской (далее – НЛ) и
сходных с нею летописях [13, ч. 1, с. 93–116
(л. 47–58 об.), здесь с. 96 (л. 48 об.); 14, с. 27–
28; 15, стб. 446 (л. 161); 16, с. 56; 17, с. 191].
Ничего не говорится о битве на р. Сане и про-
чих усобицах 6660 г. в Степенной книге: [18,
с. 415]. А.Е. Пресняков доказал, что источником
дополнений записей НЛ ЛЛС за 1114–1252 гг.,
входящих в состав Голицынского и Лаптевско-
го томов (соответственно, РНБ. ОСРК F.IV.225
(далее – Г) и РНБ. ОСРК F.IV.233 (далее – Л)), в
48 случаях послужила ВЛ. Чаще всего исполь-
зовалась ВЛ для дополнения сведений НЛ и далее
по тексту ЛЛС, вплоть до событий 1530-х гг.
Шумиловского тома [19, с. 34–38]. В.В. Моро-
зов обнаружил в ЛЛС более 110 заимствований
из ВЛ, и среди них отметил рассказ о событиях
6660 г. [20, с. 122–126; 14, с. 17–18; 21, с. 18].
Кроме того, ВЛ 3-й редакции, по его наблюдени-
ям, послужила источником ЛЛС и в истории
1520–1541 гг. [20, с. 99–102].

Наиболее поздние фрагменты Г и Л могут
быть датированы на основе верхних дат быто-
вания встречающихся в них филиграней к сере-
дине 1570-х – началу 1580-х годов [22, с. 66–67,
71–72, 76–77]. Версию о возможности использо-
вания списка ВЛ для составления данного
послания в дискуссии по моему докладу, про-
читанному на конференции в Мюнхене в декаб-
ре 2011 г., счел предпочтительной А.В. Сире-
нов. Однако по текстологическим соображени-
ям, о которых я говорю в конце данного разде-
ла, я продолжаю считать, что более вероятно
использование царем для ответа Стефану Бато-
рию ЛЛС. Вопрос о том, какие летописи ис-
пользовал Иван Грозный для составления своих
посланий, еще нуждается в решении. Уже сей-
час можно полагать, что к 1581 г. в распоряже-
нии царя могли быть и списки ВЛ, и ЛЛС.

В нынешнем виде в Г нарушена хронологи-
ческая последовательность повествования, и
после л. 196, содержащего описание русской
истории за 6657 г. и обрывающегося на словах
«и на заоутрѣ кнзь велики Юрьи Владимерич
Маномашъ приступи ко граду и выходящим
пѣшим боицем из града и мнѡга», следует
л. 197, на котором повествование начинается с
сообщения за 6681 г. со слов «в лѣто 6681 иде
кнзь Мстиславъ Ростиславичъ с новогорѡдцы

ратю на Полтескъ». Пометы на л. 197, возмож-
но, рукой XVII в., указывают на недостаю-
щую запись за 31 год («тридесѣт вѣдного году нѣтъ») и
сосредоточены на нашествии Батюга на русские
земли («Россиѣской землѣ») в 6745 г. Недоста-
ющий раздел вошел в Лаптевский том ЛЛС
(далее – Л). Здесь оказались отрывки из русской
истории за 6624–6625 (1116–1117) [13, ч. 1, с. 1–
2 (л. 1–1 об.)], 6657–6733 (1149–1225) [13, ч. 1,
с. 3 (л. 2); 13, ч. 2, с. 1794 (л. 897 об.)], 6749–
6759 (1241–1252) [13, ч. 2, с. 1795–2007 (л. 898–
1004)] гг.

Теперь обратимся к словам царя, сказанным
в переговорах с Антонио Поссевино. Согласно
Ивану Грозному, венгерский король называл
великого князя Изяслава отцом. В Москве оце-
нили статусно равные отношения между Изя-
славом и Гезой как иерархические, опираясь на
обращение Гезы «отче». Между тем в самом
отрывке из Киевской летописи говорится о том,
что Изяслав послал за подмогой не только к
«зятю», но и к «сватам» Болеславу Кудрявому и
Владиславу Чешскому. Монархи Венгрии, Че-
хии и Польши перечислены здесь в одном ряду
и в порядке от Венгрии к Чехии и Польше.
Кроме того, ни о каком порядке старшинства и
праве Изяслава, например, потребовать явки
этих монархов себе на подмогу текст в летопи-
си не говорит [см. также: 23, с. 166–175]. Вели-
кий князь Изяслав Мстиславич, в действительности
приходившийся венгерскому королю Гезе II
шурином, неслучайно определен в речи царя по
своему Смоленскому княжеству – это в очеред-
ной раз подчеркивало древнюю принадлеж-
ность Смоленска предкам московских великих
князей. Впрочем, «прародителем» московских
государей Изяслав мог считаться лишь условно,
по принципу наследования верховной власти в
Русской земле от Киева к Москве. Пример Изя-
слава Мстиславича был неудачен с точки зре-
ния генеалогической преемственности: князь
Изяслав враждовал с подлинным прародителем
Ивана IV Юрием Владимировичем Долгоруким
и как раз незадолго до галичского похода разо-
рил его городок Юрьев.

Факты династического родства и совместной
победы киевского великого князя и венгерского
короля над галичским князем призваны возвы-
сить предшественников царя над предшествен-
никами Стефана Батория, которыми, также в
обход генеалогии, названы потомки Ягелло.
Можно предположить, что в царском послании
содержится намек на актуальный международ-
ный статус упомянутых территорий, спроеци-
рованный на события XII в. Победа предков
Ивана IV и младшего по отношению к ним
предшественника имперских Габсбургов над
Галичем, входящим на 1581 г. в Корону Поль-

скую, должна была показать низкий статус Стефана Батория и Речи Посполитой по сравнению с Венгрией и тем более по сравнению с Московским государством. С другой стороны, зависимость венгерского короля от русского князя проецировалась на «меру» трансильванского князя Стефана по отношению к Ивану IV – царю от «великих князей киевских». Таким образом, источник, близкий к ЛЛС, пришелся кстати к той ситуации, в которой Иван IV, нарушая принятые в северо-восточном русском летописании традиции и конструируя преемственность власти московских великих князей от киевских, сформулировал идею исконной подчиненности и зависимости венгерских королей от киевских князей.

Опорой для этого построения служила летописная запись, сходная с ВЛ и ЛЛС. Нынешнее состояние Г и Л показывает, что листы с описанием битвы на р. Сане хранились не на своем месте, и какой-то ранний редактор ЛЛС, как уже говорилось, сделал помету об отсутствии листов за 31 год на л. 197 нынешнего Г. Возможно, нарушение порядка листов ЛЛС в этом месте было вызвано поиском необходимой информации для подготовки дипломатического послания в сентябре 1581 г. С другой стороны, отрывок о походе Изяслава Мстиславича на Володимирка Галичского демонстрирует одно из вкраплений ВЛ в составе ЛЛС, и такое совпадение наводит на мысль о большей вероятности заимствования отрывка для послания именно из ЛЛС, а не из ВЛ (менее вероятно в данном случае текстологическая гипотеза о влиянии послания Ивана IV Стефану Баторию от сентября 1581 г. на текст ЛЛС).

Таким образом, наиболее экономным, хотя не единственно возможным, является вывод об использовании именно ЛЛС при написании сентябрьского послания Ивана IV 1581 г. Если это так, перед нами один из самых ранних датированных случаев обращения к ЛЛС в литературе XVI в. Именно Поссевино должен был свидетельствовать перед королем о тех аргументах, которые приводил царь в свою пользу. При этом, как и ранее, в периоды успехов царской дипломатии, в обоснование исконности царского титула русских великих князей приводились иконы с изображением Владимира Святославича в царском венце, так и теперь, в ухудшающейся для царя дипломатической обстановке, аргументом мог служить визуальный ряд – на сей раз миниатюры ЛЛС. Данные наблюдения дополняют ряд уже высказанных источниковедческих аргументов в пользу причастности посольского ведомства к работе над Лицевым сводом [24, с. 218–219; 25, с. 193].

Курбскиана и Лицевой свод

Не меньше трудностей остается в вопросе о соотношении ЛЛС с перепиской Ивана Грозного и А.М. Курбского. Прежде всего обратим внимание, что дискуссия о происхождении общего чтения для Первого послания Курбского (далее – ППК) и послания Исаяи Каменец-Подольского о крови, пролитой, «аки вода», содержит текстовую и семантическую параллель с ЛЛС, о которой ранее не говорилось (о знакомстве кн. А.М. Курбского с творчеством и тираноборчеством епископа Амвросия Медиоланского (Миланского) см.: [26, с. 204–210]). В выделенном киноварью разделе, посвященном императору Феодосию и епископу Амвросию Медиоланскому, повествуется о том, как Сатана «вверже» добродетельного и благочестивого императора Феодосия «в сурово и безчеловечно кровопролитие» [27, ч. 1, с. 560 (л. 280 об.)]. Речь идет о вводе императорского войска в Солунь, где попытка постоя закончилась мятежом горожан. Царь, узнав о мятеже и смерти части своих бояр, «зело разярился, епарха града того повеле посети» [27, ч. 1, с. 563 (л. 282)]. Затем царь «яростию подвигъся, неправедно оружие обнажи» и «безо всякого испытания» повелел убить 7 тыс. горожан [27, ч. 1, с. 564 (л. 282 об.)]. Приехав в Рим после этого, у входа в церковь Феодосий получил отповедь от Амвросия, отголоски которой заметны в ППК и в послании Исаяи (впрочем, прямых текстологических совпадений нет или почти нет): «Не разумеши ли, о царю, еже сотворил еси таковое убиство великое! И не остави ты тленнаго царствия, власть разумети, таковое величество греха. Разумей, убо, яко мало временно есть твое царство, о нем же помале слово воздаси Цареву царствующим. Которыма очима узриши общаго Владыкы церковь? Которыма ногама въступиши на святыи помост? Како руце воздежеши каплющи еще крови неповиннаго убиства? Како ж такими руками приимеши тело владычне? Како же и усты приимеши честную кровь, иж толику кровь излив беззаконно, яростию подвигъся единаго ради слова? Обаче отоиди и не тщися вторым перьвое умножити беззаконие! Приими союз убог! Свыше есть Свидетель сих» [27, ч. 1, с. 566–567 (л. 283 об. – 284)].

Согласно ЛЛС, Феодосий после этой речи целый месяц каялся и плакал. А Амвросий добился от царя обязательства не решать дела «яростию» и рассматривать «всякия людския дела крамолныя» не менее 30 дней, после чего допустил царя в церковь, но только «ниц на земли лежа и с воплем зывати» [27, ч. 1, с. 574–575 (л. 287 об. – 288)]. Сама эта идейная

конструкция напоминает рамку «Истории» Курбского, намеченную еще в ППК, а совпадения отдельных слов и словосочетаний позволяют предположить опосредованную связь между сочинениями князя и ЛЛС. Призывая царя к покаянию, кн. А.М. Курбский отсылает его к тем идеалам мудрого и смиренного правления, которые однажды отстоял епископ Амвросий.

Специального исследования заслуживает вопрос о взаимной зависимости между «Историей» А.М. Курбского и ЛЛС, который мы можем переформулировать после того, как проведено исследование рукописной традиции, рефлексов и рецепции «сборников Курбского». Еще С.Б. Веселовский высказывал предположение, что приписки к Царственной книге служили частью идейного противостояния Ивана Грозного с кн. А.М. Курбским. Эта гипотеза в различных ее версиях была поддержана Д.Н. Альшицем, Р.Г. Скрынниковым, А.А. Зиминим, датировавшими приписки 1560-ми гг. (подробнее о данных дискуссиях см.: [20, с. 56–61]). С.О. Шмидт возродил концепцию Н.П. Лихачева, допустив, что на приписках могла отразиться реакция царя не на Первое послание Курбского, а на его «Историю», которую С.О. Шмидт датировал 1570-ми гг. [28, с. 216–220]. Данная концепция была поддержана А.А. Амосовым и В.В. Морозовым, хотя новых аргументов в ее пользу исследователями предложено не было [25, с. 318–319; 20, с. 130–131]. В целом, речь может идти лишь о том, что комплекс наблюдений за сходствами приписок и Первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому потребовал реинтерпретации в связи с переносом датировки ЛЛС на более позднюю дату.

Эта точка зрения нуждается в уточнении. Как я старался показать в своей работе, Сборник Курбского открывался «Историей» и существовал в двух ранних версиях – с текстовым набором типа РГБ Тихонравовского № 639 и текстовым набором типа ГИМ Уваровского № 301. В любом случае, речь должна идти о том, что «История» не существовала в ранней традиции в отрыве от поздних текстов, вышедших из книгописной мастерской А.М. Курбского. В краткой версии Сборник мог возникнуть не ранее сентября – октября 1579 г. В полной – не ранее весны 1582 г. Маловероятно, что до этого времени «История о князя великого московского делех» как готовый текст могла бытовать, – по крайней мере, следов ее бытования в отрывках, отдельных повестях, пересказах не обнаружено [29, с. 60–63].

В связи с этой проблемой наше внимание привлекают миниатюры ЛЛС, на которых изображен А.М. Курбский. Текст официальной ле-

тописи о его побеге вписывается в общую линию обличения «измены» и «недоброхотства» великим князьям и Ивану IV в ЛЛС [20, с. 166–167]. Однако, в отличие от образа князя Владимира Андреевича, фигура Курбского в ЛЛС не подвергалась переработке. Среди прочих на л. 619 Царственной книги (ГИМ Син. № 149) сохранилась миниатюра, на которой переданы события, описанные и в официальном летописании, и в «Истории» Курбского, причем в Летописце начала царства (далее – ЛНЦ), ЛЛС и Александро-Невской летописи (далее – АНЛ) почти идентично (далее цит. ЛЛС и АНЛ): «А воеводы кнзь Ѡндрѣ и Михаилович Коурбьскои выеде из города и всѣд на конь и гна по них, и прѣхавъ во всехъ в них; вни же его с кона збивъ и его сѣкоша мнѡжество и преидоша по немъ замерѣтваго [ЛНЦ: замертво; Патр.: замертвово] мнѡгѣ, но бѣжим млсрдѣемъ послѣди оздравель, татарове же побѣжаша на рознь к лѣсоу» [30, л. 619; 31, с. 218, 513; 32, с. 107–108, 203]. См. также: [33, с. 153 (л. 619)].

В целом, миниатюра ЛЛС близка к тексту. На ней изображен князь, выезжающий из города (в нижнем левом углу), затем он преследует татар с высоко поднятой саблей (в центре), и вот он уже без сабли среди врагов (правее ниже) и падает под копыта коня (в нижнем правом углу). «История» Курбского или какой-либо другой текст в данном случае вряд ли мог служить дополнительным источником для миниатюриста. Эта сцена битвы передана в «Истории» о князя великого московского делех» несколько иначе. Здесь князь делает выразительное отступление, ссылаясь на свой подвиг как на признанный факт, результат дарованного ему Богом «духа храбрости». Отличие СК от текста ЛНЦ и всех его последующих версий прежде всего в том, что герои Курбского – «мы». Подробности боя также существенны: конь героя трижды врывался в татарский строй: «И в четвертыи раз зело ранен повалился в середине их со мною и уже от великих ран не помятаю вящей. Очкнувжеса уже потом аки по мале године, аки над мертвецом плачущим и рыдающим двема слугам моим надо мною стоящим и другим двема воином царским» [34, с. 64 (л. 29), см. также с. 63–65 (л. 28 об. – 29 об.)]. Позднее князь узнал, что остатки его полка не успели за ним и не ворвались в татарские ряды, а лишь схлестнулись с первыми отходящими воинами. Сведения «Истории» значительно превосходят состав летописной записи, и следов ее влияния на летопись или миниатюру ЛЛС не обнаруживается.

Александро-Невская и Лебедевская летописи

Уже И.Н. Жданов был близок к пониманию связи между АНЛ, Лебедевской летописью (далее – ЛЛ) и ЛЛС, однако заметил сходство в дате завершения «летописца и тетрадей», хранившихся в Царском архиве, только с АНЛ (7076 г. от С.М.). Тогда же А.Н. Ясинский показал, что Царственная книга (далее – Ц) и НЛ восходят к «официальной московской летописи» [35, с. 124; 36, с. 15; 25, с. 60–62]. А.Е. Пресняков доказал, что АНЛ является промежуточной редакцией между «Никоновской с рисунками» и «Царственной книгой», т.е. в ней отразились не все редакторские вторжения Ц в исходный текст ЛЛС. Вывод о том, что вероятно восхождение ЛЛ к ЛЛС и несомненно восхождение АНЛ к ЛЛС, подтвердил А.А. Шахматов и развил А.Е. Пресняков, доказав исконное единство ЛЛ и АНЛ. По словам Преснякова, согласно фолиации данных кодексов, АНЛ является «пятым томом» ЛЛ, «хотя, по содержанию, ее место было бы между 3 и 4 томами» [19, с. 47; 37, с. 74; 25, с. 64–65, 70–71, 81; 20, с. 37–39]. Причем ЛЛ-АНЛ передают тот вид ЛЛС, который приняли отдельные листы свода ко времени их копирования в первой половине XVII в. («ко времени копии существовал уже только дефектный и перепутанный экземпляр лицевого свода») [38, с. 8–9]. С.Ф. Платонов отказывался использовать АНЛ в разночтениях тексту Никоновского свода, так как допускал, что АНЛ могла быть скопирована не только с ЛЛС, но и с «иных редакций лицевого свода, нам неизвестных» [31, с. VIII]. А.А. Амосов и В.В. Морозов согласились с тем, что АНЛ и ЛЛ отражают в ряде статей промежуточный текст между С и Ц [см.: 20, с. 37–40, 52–53]. Заимствования в АНЛ/ЛЛ из С и Ц показывают, что листы С (еще не переработанные в Ц) могли как уже существовать (и в этом случае редактор проводил отбор и в разделах за 1536–1542 гг. отдавал предпочтение С), так и быть еще в работе на момент составления протографа АНЛ/ЛЛ (и в этом случае в распоряжении редактора текста Ц за те же годы еще не было).

Предназначение протографа ЛЛ и АНЛ требует дополнительных поисков и включения в историю летописания последних лет правления Ивана IV и первых лет царствования Федора Ивановича. Описание венчания царя Федора и царицы Ирины на л. 538–553 АНЛ является убедительным аргументом в пользу существования продолжения ЛЛС до первых лет правления царя Федора Ивановича (июль 7093 г.). М.М. Щербатов использовал оригинальную

версию этого окончания ЛЛС. Н.П. Лихачев гипотетически разрешил противоречие между данными водяных знаков и фактом существования листов с миниатюрами венчания Федора и Ирины на царство, предположив, что эти листы были искусственно присоединены к первоначальному объему ЛЛС. К мнению Лихачева присоединился А.Е. Пресняков [39, с. CLXXX; 19, с. 50; 38, с. 4–6]. Факт неполноты нынешних томов С и Ц, основываясь на анализе ЛЛ и АНЛ, признал и Б.М. Клосс, отметивший, что к середине XVII в. С и Ц представляли собой «одну кипу переплетенных и перепутанных листов» [24, с. 227–231, здесь с. 231]. Этот вывод, учитывая гипотезы А.А. Амосова и В.В. Морозова, может быть перенесен на состояние и полноту последних разделов ЛЛС в 1570-х – начала 1580-х годов.

Если окончание основных работ над ЛЛС отнести ко второй половине 1570-х – началу 1580-х гг., возвращение книжников к ЛЛС около 1584–1585 гг. не будет сильно отстоять от этого времени, тогда как завершение информации ЛЛС событиями 1567 г. уже не является аргументом в пользу более ранней даты завершения основных работ над ЛЛС, поскольку около этого года, возможно, официальное летописание в России было, в целом, остановлено и между появлением последних данных основного информационного потока ЛЛС и их обработкой составителями свода могли пройти и месяцы, и годы. Завершение АНЛ/ЛЛ около 1585 г. не означает, что в это же самое время составлялся текст ЛЛС. «Переходный» вид текста АНЛ/ЛЛ в тех статьях, в которых в какой-то исторический момент возникли расхождения между С и Ц, не доказывает, что исправленный текст Ц возник уже после АНЛ/ЛЛ, однако, как бы ни решился этот текстологический ребус, ясно, что около 1584–1585 гг. часть листов Лицевого свода подверглась ревизии, была скопирована и дополнена лицами, имевшими прямое отношение к венчанию на трон новой царской четы.

К дискуссии о назначении Лицевого свода

Постараемся в заключительных ремарках подвести итог проблеме ранних культурных контекстов, в которых бытовал Лицевой свод, и высказать предположения в развитие тех, что уже были изложены. Возможное заимствование из ЛЛС в сентябрьском послании Ивана IV 1581 г. служит признаком близости свода к дипломатическому контексту, который формировался за счет строгого выполнения церемониальных чиннов и иконографической визуализации. В нашем распоряжении нет ни одного примера, ко-

гда бы свод или подобные ему памятники в XVI в. становились предметом дискуссий на посольских церемониях, однако еще в 1560-е гг. между послами Сигизмунда II Августа и Ивана IV неоднократно вспыхивали споры о том, как толковать прошлое русских земель. В том числе московская дипломатия отстаивала прямую преемственность московской власти от киевской, исконное историческое право Ивана IV на царский титул, зависимость Ливонии от киевских князей, начиная с Ярослава Мудрого, зависимость полоцких князей от киевских с XII в., неподверженность Москвы татарским разрушениям и т.д. Призывы дипломатических партнеров обращаться к истинным летописям показывали, что в области исторической памяти в Москве сохранялась значительная лакуна, которую к тому времени в Польско-Литовском государстве заполнили популярные «Записки о Московии» С. Герберштейна, хроники М. Меховского, М. Бельского, М. Кромера, а также поморские и немецкие хроники, литовско-русские летописи и историческая публицистика. Московские летописи при этом то ли игнорировались, то ли были плохо известны польско-литовской стороне.

Эпистолярный конфликт между Иваном IV и Стефаном Баторием разворачивался на новом витке этого противостояния образов прошлого. Королевские интеллектуалы высмеивали московские легенды «Сказания о князьях владимирских» и планомерно, на исторических примерах, разрушали аргументы Москвы в пользу преемственности царской власти по магистрали Рим – Константинополь – Киев – Владимир – Москва, называя московских летописцев лживыми баснописцами («басней бахорями»). Когда царю была прислана подшивка с сочинениями С. Герберштейна, А. Гваньини и А. Кранция, польская сторона ясно обозначила свои точки опоры. В Москве такими аргументами, как правило, являлась посольская аргументация. К летописям и хронографам иностранных представителей допускали неохотно и только в качестве самой крайней меры.

Московский дипломатический арсенал медленно реагировал на вызовы извне, а сами дипломатические служащие, окружение царя и сам Иван Васильевич неохотно раскрывали карты, даже когда им адресовались прямолинейные запросы на подтверждение тех или иных исторических тезисов. В посольских книгах за 1579–1581 гг. господареву изменнику вменялось в вину, что он обратился к Ивану IV «невежливо». В Посольском приказе не было информации о существовании каких-либо еще сочинений Курбского, да и содержание самого Перво-

го послания не встретило комментариев посольских служащих. В Лицевом своде фигура Курбского как бы «заморожена», она целиком позаимствована из официального летописания, и нет следов какого-либо знакомства составителей и редакторов свода с его текстами.

Данные ЛЛ/АНЛ и наблюдения исследователей за редакторской работой над текстом и миниатюрами ЛЛС могут иметь общую тенденцию. Объем текста ЛЛ/АНЛ показывает, что ЛЛС был продолжен в правление царя Федора Ивановича, тогда как концепция трех противостоящих друг другу групп редакторов ЛЛС, выдвинутая С.Н. Богатыревым, позволяет увидеть за правкой конфликтную и, вероятно, продолжительную работу, так и не увенчавшуюся раскраской окончательной версии спорных миниатюр свода. Значит ли это, что работы над ЛЛС продолжались на рубеже 1570-х и 1580-х гг.? Может быть, и составляя свои послания Стефану Баторию, Иван Грозный все еще не имел в своем распоряжении готового текста свода, а мог только воспользоваться его отдельными завершенными листами, чтобы восполнить пробел в дипломатической дуэли?

При всей внешней несхожести проблем дипломатии с проблемами визуализации исторического прошлого, между ними нет непроходимой грани. В общем, этот путь рассуждения может оказаться еще одним звеном в прояснении того положения дел, при котором в один исторический момент российские посольские служащие начинают ссылаться на иконопись в борьбе за царский титул, а лидер – или один из лидеров – Посольского приказа выступает в качестве главного критика новой кремлевской росписи, не страшась противостояния с митрополитом и освященным собором. Дело было вряд ли только в поддержке со стороны царя или могущественных советников Избранной рады. Речь шла и тогда, и позднее о возможности визуально представить предметы особых забот лидеров посольского дела, которые могли выступать и в качестве инициаторов, цензоров, корректоров визуальной памяти Российского царства.

Поиск в этом же направлении позволил бы переосмыслить и причины свертывания работ над ЛЛС, и причины их последующего, хотя и недолгого, возобновления. Военно-дипломатические события второй половины 1570-х гг. требовали финального аккорда, наподобие того, которым стал Полоцкий поход для составителей Степенной книги. Б.М. Клосс отметил победный тон ЛЛС по отношению к окружающим «безверным» народам [24, с. 259–260]. Таким финальным аккордом, который показал бы, что в правление Ивана IV исполняются величайшие

замыслы и пророчества мировой истории, так и не стали события в Ливонии 1577 г. Возможно, что основные редакторские работы около 1577–1581 гг. были сосредоточены на представлении великокняжеской и удельной власти в московском прошлом. Но окончательный удар по ЛЛС на этом этапе работ был нанесен, видимо, позднее – когда, обмениваясь письмами со Стефаном Баторием, царь обратился к своду и высказал (тогда или позже) недовольство по поводу изображения в нем боярских заговоров и династического кризиса 1553 г. Пометы царя требовалось учесть, внести в основной текст, создав новую версию истории, проведя новую разметку для составления миниатюр и т.д. Вряд ли после смерти царевича Ивана Ивановича подобные работы могли вестись активно, да и самого царя и его окружение вряд ли продолжал интересоваться поиск точки или многоточия в истории его правления. Поэтому поиски и возобновились с новой силой уже в правление Федора Ивановича и, возможно, под фактическим наблюдением Бориса Годунова.

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091).

Список литературы

1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 78 (Сношения России с Папским престолом). Оп. 1. № 1.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Второе Отд-е Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871. Т. 10. 4, II с., 1850 стб.
3. РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. № 13.
4. Дианова Т.В. Филигранные XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М.: ГИМ, 1998. 168 с.
5. Piccard Online. URL: www.piccard-online.de (дата обращения: 14.06.2017).
6. Briquet C.-M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Paris: Alphonse Picard et fils, et al. 1907. Т. 3. 604 р.
7. Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582). Историко-критическое исследование. СПб.: Типография Скороходова, 1904. II, 304, 49 с.
8. Grala H. Die Rezeption der «Rerum Moscoviticarum Commentarii» des Sigismund von Herberstein in Polen-Litauen in der 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999. Jubiläumsvorträge herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. S. 317–326.
9. Подберезкин Ф.Д. «Partes wandalor in Magna Germania»: что знал Альберт Кранц о Литве и Руси // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.) / Отв. ред. А.В. Мартынюк. М.: Квадрига, 2015. С. 185–202.
10. Ерусалимский К.Ю. Идеология истории Ивана Грозного: взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 589–635.
11. Biblioteka Kórnicka PAN w Kórniku. Rękopis 982.
12. Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье; пер. и коммент. Я.С. Лурье; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 716 с.
13. Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 5. Лаптевский том (в 2 частях). М.: АКТЕОН, 2006. Ч. 1–2. 1005 л. (сплошная нумерация).
14. Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 5. Лаптевский том, научный аппарат / В.В. Морозов. М.: АКТЕОН, 2006.
15. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 14 (А–N), XVI с., 938 стб., 87, IV, L с.
16. ПСРЛ. М.: ЯРК, 2001. Т. 7. 6 (А–F), X, 345 с.
17. ПСРЛ. М.: ЯРК, 2000. Т. 9. XXXII, 256 с.
18. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: В 3 т. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф; изд. подг. под руководством Н.Н. Покровского. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.
19. Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // Известия ИОРЯС. СПб.: Тип-я Императорской Академии Наук, 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 824–876.
20. Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М.: Индрик, 2005. 287 с.
21. Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 4. Голицынский том, научный аппарат / В.В. Морозов. М.: АКТЕОН, 2006. 1035 л.
22. Каштанов С.М. К изучению летописного Лицевого свода Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 2011 г. М., 2014. С. 57–79.
23. Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). Изд. испр. и доп. / Пер. К.Ю. Ерусалимского, О.А. Остапчук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 880 с.
24. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
25. Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 387 с.
26. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М.: ЯРК, 1998. 416 с.
27. Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 3. Лицевой Хронограф (в 2 ч.). М.: АКТЕОН, 2006. Ч. 1–2. 1217 л.
28. Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1. Допетровская Русь. Кн. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. 480 с.

29. Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М.: Знак, 2009. Т. 1. 882 с.
30. Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 10. Царственная книга. М.: АКТЕОН, 2006. 687 л.
31. ПСРЛ. М.: ЯРК, 2000. Т. 13. VIII, 532 с.
32. ПСРЛ. М.: Знак, 2009. Т. 29. VI, 391 с.
33. Лицевой летописный свод XVI века: методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост. Е.А. Белоконов, В.В. Морозов, С.А. Морозов. М.: РГГУ, 2003. 224 с.
34. Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М.: Знак, 2009. Т. 2. 536 с.
35. Жданов И.Н. Сочинения. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Академии наук, 1904. Т. 1. 874 с.
36. Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев: Университетская типография, 1889. 215 с.
37. Шахматов А.А. Разбор сочинения И.А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о 40-м присуждении наград гр. Уварова: Записки АН по историко-филологическому отделению. СПб., 1899. Т. 4. № 2. С. 103–236.
38. Пресняков А.Е. Заметка о лицевых летописях // ИОРЯС. СПб., 1902. Т. 6. Кн. 4. С. 295–304.
39. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб.: Тип. В.С. Балашев и Ко, 1899. Ч. 1. С. I–CCXII, 1–512; табл. I–XVII.

THE GREAT ILLUSTRATED CHRONICLE AND DIPLOMACY OF IVAN THE TERRIBLE

K.Yu. Erusalinskii

The ambassadorial book for the Russian-Vatican relation from the Russian State Archive for the Ancient Acts contains Ivan IV's speech addressed to Antonio Possevino, the Vatican legate to Poland and Russia. It demonstrates close textual parallels with the Great Illustrated Chronicle. The author assumes that the Chronicle appeared in diplomatic practice in 1581. At the same time, there are no traces of the Chronicle's dependence on Prince Andrey Kurbskii's works. The hypothesis about copying the Chronicle in 1584–1585 gives the whole range of earliest facts of textual reception of the Chronicle. Its emergence was to a large extent related to Russian diplomatic and ceremonial practice.

Keywords: Great Illustrated Chronicle, Ivan the Terrible, Moscow-Vatican diplomatic correspondence.

References

- Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 78 (Snosheniya Rossii s Papskim prestolom). Op. 1. № 1.
- Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi. SPb.: Vtoroe Otd-e Sobstv. E.I.V. Kancel'yarii, 1871. T. 10. 4, II s., 1850 stb.
- RGADA. F. 79 (Snosheniya Rossii s Pol'shej). Op. 1. № 13.
- Dianova T.V. Filigrani XVII–XVIII vv. «Gerb goroda Amsterdama». M.: GIM, 1998. 168 s.
- Piccard Online. URL: www.piccard-online.de (data obrashcheniya: 14.06.2017).
- Briquet C.-M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Paris: Alphonse Picard et fils, et al. 1907. T. 3. 604 p.
- Novodvorskij V. Bor'ba za Livoniyu mezhdru Moskvoyu i Rech'yu Pospolitoyu (1570–1582). Istoriko-kriticheskoe issledovanie. SPb.: Tipografiya Skorohodova, 1904. II, 304, 49 s.
- Grala H. Die Rezeption der «Rerum Moscovitarum Commentarii» des Sigismund von Herberstein in Polen-Litauen in der 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscovitarum Commentarii 1549–1999. Jubiläumsvorträge herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. S. 317–326.
- Podberezkin F.D. «Partes wandalor in Magna Germania»: chto znal Al'bert Kranc o Litve i Rusi // Alba Ruscia: belorusskie zemli na perekrestke kul'tur i civilizacij (X–XVI vv.) / Otv. red. A.V. Martynyuk. M.: Kvadriga, 2015. S. 185–202.
- Erusalinskij K.Yu. Ideologiya istorii Ivana Groznogo: vzglyad iz Rechi Pospolitoj // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii. M., 2008. S. 589–635.
- Biblioteka Kórnicka PAN w Kórniku. Rękopisy 982.
- Poslaniya Ivana Groznogo / Podgot. teksta D.S. Lihachev, Ya.S. Lur'e; per. i komment. Ya.S. Lur'e; pod red. V.P. Adrianovoj-Peretc. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 716 s.
- Licevoj letopisnyj svod. Faksimil'noe izdanie rukopisi XVI veka v 10 knigah. Kn. 5. Laptevskij tom (v 2 chastyah). M.: AKTEON, 2006. Ch. 1–2. 1005 l. (sploshnaya numeraciya).
- Licevoj letopisnyj svod XVI veka. Kn. 5. Laptevskij tom, nauchnyj apparat / V.V. Morozov. M.: AKTEON, 2006.
- Polnoe sobranie russkikh letopisej. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. T. 2. 14 (A–N), XVI s., 938 stb., 87, IV, L s.
- PSRL. M.: YaRK, 2001. T. 7. 6 (A–F), X, 345 s.
- PSRL. M.: YaRK, 2000. T. 9. XXXII, 256 s.
- Stepennaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam: Teksty i kommentarij: V 3 t. T. 1. Zhitie sv. knyagini Ol'gi. Stepeni I–X / Otv. red. N.N. Pokrovskij, G.D. Lenhoff; izd. podg. pod rukovodstvom N.N. Pokrovskogo. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 598 s.

19. Presnyakov A.E. Moskovskaya istoricheskaya ehnciklopediya XVI v. // Izvestiya IORYaS. SPb.: Tipya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1900. T. 5. Kn. 3. S. 824–876.
20. Morozov V.V. Licevoj svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI veka. M.: Indrik, 2005. 287 s.
21. Licevoj letopisnyj svod XVI veka. Kn. 4. Golicynskij tom, nauchnyj apparat / V.V. Morozov. M.: AKTEON, 2006. 1035 l.
22. Kashtanov S.M. K izucheniyu letopisnogo Licevogo svoda Ivana Groznogo // Arheograficheskij ezhegodnik za 2011 g. M., 2014. S. 57–79.
23. Dombrovskij D. Genealogiya Mstislavichej: Pervye pokoleniya (do nachala XIV v.). Izd. ispr. i dop. / Per. K.Yu. Erusalimskogo, O.A. Ostapchuk. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2015. 880 s.
24. Kloss B.M. Nikonovskij svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov. M.: Nauka, 1980. 312 s.
25. Amosov A.A. Licevoj letopisnyj svod Ivana Groznogo: Kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie. M.: Ehditorial URSS, 1998. 387 s.
26. Kalugin V.V. Andrej Kurbskij i Ivan Groznyj: (Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya). M.: YaRK, 1998. 416 s.
27. Licevoj letopisnyj svod. Faksimil'noe izdanie rukopisi XVI veka v 10 knigah. Kn. 3. Licevoj Hronograf (v 2 ch.). M.: AKTEON, 2006. Ch. 1–2. 1217 l.
28. Shmidt S.O. Pamyatniki pis'mennosti v kul'ture poznaniya istorii Rossii. T. 1. Dopetrovskaya Rus'. Kn. 1. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007. 480 s.
29. Erusalimskij K.Yu. Sbornik Kurbskogo: Issledovanie knizhnoj kul'tury. M.: Znak, 2009. T. 1. 882 s.
30. Licevoj letopisnyj svod. Faksimil'noe izdanie rukopisi XVI veka v 10 knigah. Kn. 10. Carstvennaya kniga. M.: AKTEON, 2006. 687 l.
31. PSRL. M.: YaRK, 2000. T. 13. VIII, 532 s.
32. PSRL. M.: Znak, 2009. T. 29. VI, 391 s.
33. Licevoj letopisnyj svod XVI veka: metodika opisaniya i izucheniya razroznennogo letopisnogo kompleksa / Sost. E.A. Belokon', V.V. Morozov, S.A. Morozov. M.: RGGU, 2003. 224 s.
34. Erusalimskij K.Yu. Sbornik Kurbskogo: Issledovanie knizhnoj kul'tury. M.: Znak, 2009. T. 2. 536 s.
35. Zhdanov I.N. Sochineniya. SPb.: Otd. rus. yaz. i slovesnosti Akademii nauk, 1904. T. 1. 874 s.
36. Yasinskij A.N. Sochineniya knyazya Kurbskogo kak istoricheskij material. Kiev: Universitetskaya tipografiya, 1889. 215 s.
37. Shahmatov A.A. Razbor sochineniya I.A. Tihomirova «Obozrenie letopisnyh svodov Rusi severovostochnoj» // Otchet o 40-m prisuzhdenii nagrad gr. Uvarova: Zapiski AN po istoriko-filologicheskomu otdeleniyu. SPb., 1899. T. 4. № 2. S. 103–236.
38. Presnyakov A.E. Zametka o licevyh letopisyah // IORYaS. SPb., 1902. T. 6. Kn. 4. S. 295–304.
39. Lihachev N.P. Paleograficheskoe znachenie bumaznyh vodyanyh znakov. SPb.: Tip. V.S. Balashev i Ko, 1899. Ch. 1. S. I-CCXII, 1-512; tabl. I–XVII.